

Сергѣй В—ій.

Революціонный Трибуналъ.

(КРАСНЫЙ СУДЪ).

—о.Оо—

Цѣна 1 рубль.

Ростовъ на Дону.

1919.

SPEL

KLA

494

R48

1919

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ТРИБУНАЛЬ.

(Красный судъ).

Устройство праваго, скорого, равнаго для всѣхъ суда должно составлять одну изъ самыхъ важныхъ заботъ той власти, которая править государствомъ.

На основаніи опыта разныхъ государствъ въ разныя времена и на основаніи понятія челоуѣка о правдѣ и справедливости выработаны тѣ правила, на которыхъ долженъ быть построенъ судъ, чтобы быть справедливымъ.

Въ старину судебная власть цѣликомъ принадлежала тому, кто правилъ государствомъ, а именно: князьямъ, царямъ, королямъ, которые сначала и сами судили, а потомъ стали поручать это дѣло особымъ правителямъ и судьямъ. Но уже въ самыя давнія времена правители государства стали принимать мѣры къ ограниченію произвола тѣхъ людей, которымъ доверяли судъ, стараясь поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они не могли очень своевольничать, чтобы они дѣйствовали не такъ, какъ въ голову взбредеть, а по особеннымъ, заранѣе установленнымъ правиламъ.

Впередъ опредѣлялось, чего именно нельзя дѣлать подъ страхомъ наказанія, впередъ указывалось, что за такія-то и такія-то преступленія будутъ наказывать, за одно больше, за другое меньше, смотря по дѣлу.

Эти правила, напередъ устанавливающія, какое дѣло будетъ считаться преступленіемъ и какое за это преступленіе будетъ наказаніе, собирались вмѣстѣ и составляли особую книгу уголовныхъ законовъ.

Эти законы ограничивали судью, который долженъ былъ съ ними считаться.

Судь не могъ, скажемъ къ примѣру, присудить къ каторжнымъ работамъ за воровство, если въ законѣ за это полагалась только тюрьма, или не могъ назначить тюрьму за убійство, если законъ требовалъ наказанія каторгой.

Почему нужны уголовные законы, опредѣляющіе, что будетъ считаться преступленіемъ и какое за него будетъ наказаніе?

Они нужны для защиты челоуѣка, для огражденія его отъ насилія и произвола.

Есть преступленія, сущность которыхъ ясна для всякаго. Такія преступленія, какъ кража, или убійство понятны каждому, даже и тому, кто и заповѣдей съ дѣтства не зналъ.

Но и кража и убійство бываютъ разныя.

Одинъ укралъ кусокъ хлѣба съ голоду, а другой лошадь увелъ, одинъ убилъ въ сердцахъ, самъ того не думая, а другой придушилъ сосѣда, чтобы его ограбить, одинъ занесъ ножъ, да опаматовался, а другой кончилъ свое злое дѣло.

Надо впередъ установить разницу между наказаніями за такія преступленія, которыя называются одинаково, хоть разница между ними громадная.

Законъ долженъ предостеречь челоуѣка, что чѣмъ обдуманнѣе было его преступленіе, чѣмъ больше злѣимъ причинено, тѣмъ строже будетъ наказаніе.

Но кромѣ такихъ ясныхъ преступленій, какъ кража, грабежи, убійство, поджогъ, изнасилованіе, государственная власть можетъ воспретить подь страхомъ наказанія тѣ или иныя дѣянія, которыя считаются вредными или опасными именно въ данное время и при

известныхъ обстоятельствахъ. Имѣть ружье—не преступленіе, но въ разгарѣ междуусобія власть можетъ объявить преступленіемъ всякое храненіе оружія.

Курить—не преступленіе, но за куреніе рядомъ съ пороховымъ погребомъ человекъ можетъ быть наказанъ самымъ строгимъ образомъ. Выходитъ такъ, что безъ уголовныхъ законовъ въ государствѣ не обойтись.

Эти писанные законы, впередъ опредѣляющіе, что будетъ считаться преступленіемъ, нужны прежде всего для огражденія права гражданина.

Гражданину надо сказать впередъ: такъ-то не дѣлай, иначе, будешь наказанъ.

А безъ предупрежденія наказывать нельзя.

Нельзя, напримѣръ, посадить въ тюрьму за храненіе оружія, если не было сдѣлано предупрежденія, воспреещающаго такое храненіе. При этомъ нужно, чтобы такія предупрежденія были изложены точно и ясно.

Воспользуемся тѣмъ же примѣромъ: нельзя наказывать человека за храненіе кинжала, если въ запрещеніи говорилось только о храненіи огнестрѣльнаго оружія.

Уголовные законы должны отличаться полной ясностью, точностью и опредѣленностью.

Уголовный законъ долженъ быть виденъ, какъ ясная надпись: „этой дорогой не ходи“, а не напоминать какой-то капканъ, куда человекъ можетъ попасть неожиданно, негадано.

Стало быть, надо такъ заключить: для существованія правильнаго суда должны быть обязательны письменные ясные уголовные законы, не должно быть никакихъ капкановъ и ловушекъ.

А теперь посмотримъ, какъ съ этимъ дѣломъ справились большевики, когда уничтожили старый

судъ и завели свой судъ, называемый революціоннымъ трибуналомъ.

Можно было такъ считать: вотъ, пришла новая власть, которая называетъ себя народной, вотъ, она старые законы исправить, пополнить, внесетъ въ нихъ полную ясность и простоту, и каждый будетъ точно знать, чего нельзя дѣлать, и риску попасть подъ судъ въ виду неясности закона уже никакого не будетъ.

Пусть старые русскіе уголовные законы были нехороши, отстали отъ лучшихъ образцовъ, созданныхъ образованными народами.

Заживемъ теперь—думали въ народѣ—по новому, создадутся справедливые законы.

А что вышло на дѣлѣ?

Правительство Ленина и Троцкаго всѣ старые законы однимъ росчеркомъ пера уничтожило, и рѣшено было такъ: никакихъ письменныхъ уголовныхъ законовъ вовсе не нужно, никакой мѣры наказанія впередъ опредѣлять не нужно, а какъ революціонный трибуналъ скажетъ, такъ тому и быть.

Раньше мы понимали, что если человекъ признаютъ виновнымъ въ умышенномъ убійствѣ, то ему не миновать серьезнаго наказанія, а теперь бываетъ, что трибуналъ объявляетъ за такое дѣло выговоръ, когда свой попадетъся.

А то былъ такой случай: два парня изнасиловали 9-ти лѣтнюю дѣвочку и заразили ее скверной болѣзью; трибуналъ призналъ ихъ виновными. И что же думаете? Сослали на каторгу? Да нѣтъ: приговорили къ общественному порицанію и отправили на фронтъ „для защиты завоеваній революціи“. Это напечатано въ „Извѣстіяхъ Одесскаго Совѣта“ за іюнь мѣсяцъ 1919 года. Вотъ, до какого сраму дошло!

Но зато бываетъ и такъ: сегодня одного проворовавшагося комиссара приговариваютъ за взятку въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, а завтра другого—къ разстрѣлу.

Вмѣсто введенія ясности въ уголовные законы ввели такое преступленіе, какъ обвиненіе въ контрреволюціи и саботажѣ.

Ну вотъ, скоро два года, какъ большевики мудрятъ надъ Россіей, а кто можетъ по совѣсти сказать, что это за штука „контрреволюція“ и особенно— „саботаж“.

Не позволишь хлѣба отнять— „контрреволюція“, откажешься отдать послѣднюю лошадь— „саботаж“, слово посмѣешь сказать на сходкѣ противъ коммуны, опять „контрреволюція“, и такъ безъ конца.

А наказанія какія за это? Какое взбрѣдетъ въ голову трибуналу: Могутъ посадить на мѣсяць, а могутъ и на десять лѣтъ, а то и разстрѣляютъ. Да это еще счастье дойти до трибунала, а то „чрезвычайка“ своимъ судомъ расправится: какъ схватить— живымъ не вернешься.

II.

Что такое „чрезвычайка“—всѣ знаютъ, всѣ слышали.

Это—комиссія, разслѣдующая тѣ преступленія, которыя совѣтская власть считаетъ самыми важными.

Члены чрезвычайки—это совѣтскіе слѣдователи.

Какъ должна быть устроена слѣдственная часть?

Прежде чѣмъ назначить наказаніе, нужно рѣшить, виноватъ ли обвиняемый, можно ли его наказывать.

Если человѣкъ обвиняется въ кражѣ или убійствѣ, то прежде важнѣе всего установить его вину и

если вина правильно установлена, то опредѣлить наказаніе на основаніи закона дѣло уже не такое трудное.

Судья можетъ ошибиться, назначить слишкомъ большое наказаніе, когда слѣдовало наказать полегче, но это еще не такая большая бѣда противъ того несчастья, когда судья засудитъ невиннаго, и чѣмъ тяжелѣе наказаніе, тѣмъ ужаснѣе такое осужденіе невиннаго.

Вотъ почему съ тѣхъ поръ, какъ отдѣльные народы стали жить правильной государственной жизнью, они старались создать такія правила, такіе порядки, чтобы уберечь человѣка отъ неправильнаго, несправедливаго приговора, чтобы не допускать осужденія невиннаго.

Въ разное время, у разныхъ народовъ правила эти были разные. По мѣрѣ расширенія образованія, по мѣрѣ развитія науки эти правила мѣнялись и улучшались.

Къ тому времени, когда народы Франціи, Германіи, Австріи и Италіи сумѣли добиться ограниченія власти своихъ привилегій и сами стали участвовать въ выработкѣ законовъ, правила, опредѣляющія порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о разныхъ преступленіяхъ, были уже разработаны очень ясно и подробно.

Эти правила для всѣхъ образованныхъ государствъ оказались почти одинаковыми.

Почему это такъ случилось?

Потому что лучшіе люди всѣхъ странъ, работающіе надъ созданіемъ этихъ правилъ, стремились къ одной цѣли—принять такія мѣры, чтобы при разсмотрѣніи дѣла избѣгать насилія, ошибокъ и несправедливости.

Какія же эти мѣры? Первое дѣло—правильно поставить слѣдственную часть.

Въ давнія времена не только передъ судомъ являться, но подъ слѣдствіе попасть было великое несчастье. Заподозрять въ чѣмъ-нибудь челоуѣка, посадить въ тюрьму и давай мучить, давай добиваться, чтобы онъ сознался въ томъ, въ чемъ его обвиняють, или чтобы другихъ выдалъ.

И какъ мучили! Пугали, грозили, морили голодомъ, жаждой, били, истязали, пытки такія выдумывали, что когда теперь объ нихъ читаешь, волосъ дыбомъ на головѣ становится.

Но шли годы, образование брало свое, и кончилось тѣмъ, что образованные народы выработали правила не только отмѣняющія пытки и истязанія, но и запрещающія всякое вымогательство, признанія, запрещающія застрачиванія и угрозы.

Новыя правила признали необходимымъ даже установить такой порядокъ, что обвиняемый, если хочетъ, можетъ совсѣмъ не отвѣчать на вопросы и за это не будетъ подвергнутъ никакому наказанію.

Новыя правила учатъ бережно обращаться съ челоуѣкомъ, постоянно помнить, что обвиняемый еще не осужденный, что для того и судъ назначается, чтобы рѣшить, виноватъ ли челоуѣкъ или не виноватъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда у насъ въ Россіи были введены новые суды, получившіе названіе Судебныхъ Уставовъ, и къ намъ перешли эти правила и первое время соблюдались строго и добросовѣстно.

Однако, со временемъ, и особенно въ послѣдніе годы самодержавія дѣло пошло хуже.

Полиція, помогая слѣдователямъ при дознаніи о преступленіяхъ, нерѣдко пускала съ ходъ и угрозы, и кулачную расправу, а то и истязанія.

Попадались среди слѣдователей такіе люди, что забывъ про свое образованіе, про совѣсть и про законъ, позволяли себѣ застрашивать обвиняемыхъ, держали подолгу въ тюрьмахъ, грозили, издѣвались надъ обвиняемыми.

Но, по правдѣ сказать, такихъ слѣдователей—о старой полиціи мы не говоримъ—было немного, а главное, они знали и всё понимали, что поступаютъ они неправильно, не по закону, что законъ угрозы и издѣательства запрещаетъ.

Всѣ также понимали и знали, что на слѣдователя можно пожаловаться, что работа слѣдователя будетъ провѣрена въ гласномъ открытомъ судѣ.

Послѣ же февральской революціи, когда Временное Правительство издало законы, облегчающіе возможность жаловаться на незаконныя дѣйствія всякихъ должностныхъ лицъ, можно было надѣяться, что теперь у насъ окончательно укрѣпятся порядки, созданныя съ такимъ трудомъ образованными народами, что теперь никто не посмѣетъ насильничать, ругаться и издѣваться надъ обвиняемымъ, что теперь конечно—ни угрозъ, ни застращиванія, ни насилія надъ гражданами свободнаго государства не будетъ.

Но вотъ пришла новая война революціи, октябрьскій большевистскій переворотъ.

Не успѣли большевики захватить власть, какъ совсѣмъ уничтожили старый судъ: и слѣдователей, и окружной судъ, и присяжныхъ засѣдателей—все было уничтожено.

И завели,—какъ уже знаемъ,—новые суды—революціонный трибуналь.

И что это стало? Вочто обратили правила, требующія уваженія къ гражданину, къ человѣческой личности?

Какіе слѣдователи пошли! Наглые, взяточники, съ бомбой за поясомъ и револьверомъ въ рукѣ.

Чуть не по немъ—револьверъ къ виску, чуть не такъ—„руки вверхъ!“ Тутъ-то и завели сначала въ большихъ городахъ, а потомъ въ уѣздахъ „чрезвычайныя слѣдственныя комиссіи“, которыя стали коротко называться „чрезвычайками“.

Кто въ слѣдователи попадалъ, кому давалось право вести слѣдствіе? Сами большевики сознавались, что въ эти чрезвычайки то и дѣло попадали разбойники, грабители, убійцы.

Дознаться нельзя было, кто эти слѣдователи, чѣмъ они раньше были, даже узнать нельзя было, какъ ихъ настоящая фамилія.

Все въ этихъ комиссіяхъ дѣлалось тайно. Ловили людей, сажали, и никто, даже самые близкіе родные не могли дознаться, за что посадили, въ чемъ чело-вѣкъ обвиняется.

И слѣдствія вели въ полной тайнѣ: хотѣли—допрашивали свидѣтелей, а не хотѣли—никого не слушали.

Недѣлями, а то и мѣсяцами совсѣмъ не допрашивали арестованныхъ, брали залоговъ въ десятки и сотни тысячъ рублей, безъ всякаго отчета, отнимали безъ контроля всякое имущество, врывались въ жилища днемъ и ночью, раздѣвали до гола, отнимали послѣднее,—взятничество такое развели, какого свѣтъ не видалъ.

А какая власть была дана этимъ „чрезвычайкамъ“? Разстрѣливать каждаго, кого захочетъ, безъ всякаго отчета.

Стоило только объявить чело-вѣка „контръ-революціонеромъ“ и чрезвычайка могла его отправить на

тотъ свѣтъ безъ всякаго суда, безъ всякаго разбирательства, тайно, неизвѣстно по чьему приказу.

А сколько подкуповъ, подлоговъ, сколько вымогательства, сколько звѣрства было въ этихъ чрезвычайныхъ чайкахъ? Чрезвычайки воскресили страшныя, казалось, давно ушедшія отъ насъ времена пытокъ.

Послѣ очищенія отъ большевиковъ въ Харьковѣ нашли въ помѣщеніи чрезвычайки цѣлую кадку съ отрѣзанными ушами и носами — вотъ до чего звѣрство доходило, вотъ до чего людей мучили!

И эти звѣри называли себя выборными рабочиѣ и крестьянѣ, дѣйствовали именемъ Русскаго трудового народа!

Кто скажетъ, что „чрезвычайка“ этого не дѣлала, кто посмѣетъ сказать, что это неправда, что не было и нѣтъ этого позора и ужаса?

III.

Послѣ слѣдствія, произведеннаго чрезвычайкой, человекъ, если оставался живъ, попадалъ на судъ революціоннаго трибунала.

Посмотримъ, какъ тутъ дѣло обстояло.

Для отправленія уголовнаго правосудія образованными народами, какъ уже упоминалось, выработаны очень подробныя и важныя правила, которыя создавались на основаніи долгаго опыта и проникнуты одной мыслью — создать порядокъ, обезпечивающій гражданина отъ произвола суда и судебной ошибки.

Долго излагать и перечислять эти правила.

Но для примѣра укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Въ большинствѣ дѣлъ о разныхъ преступленіяхъ рѣшающее значеніе имѣютъ свидѣтели.

Но не всякому свидѣтелю можно дать вѣру, да и допросить свидѣтеля надо умѣючи.

Надо рассмотреть, что за свидѣтель, не родственникъ ли обвиняемому, или не врагъ ли ему, можно ли ему довѣриться. Опять таки, если и справедливаго свидѣтеля застрашать, запугать, такъ вмѣсто пользы для дѣла выйдетъ только вредъ.

Поэтому нужны правила, какъ и въ какомъ порядкѣ надо допрашивать свидѣтеля.

А главное: надо определить права обвиняемаго на допросъ свидѣтелей.

Нельзя такъ, что кого судъ хочетъ, того допрашиваетъ. Нѣтъ, судъ долженъ вызвать и выслушать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ ссылается обвиняемый въ свое оправданіе, и только тогда можетъ отказаться это сдѣлать, когда убѣдится, что обвиняемый нарочно выдумываетъ новыхъ свидѣтелей, чтобы затянуть и запутать дѣло.

Видите, что такихъ правилъ, которыя опредѣляли бы настоящій порядокъ суда не мало, и правила эти важныя, серьезныя, нужныя.

Нельзя все представить на произволь суда: хочагь—вызываетъ свидѣтелей, не хочеть и безъ свидѣтелей разобреть дѣло а нужно суду указать, какамъ путемъ онъ долженъ идти, какіе способы разъясненія дѣла онъ можетъ примѣнять, чтобы добиться правды, и при этомъ не замучить, не извести обвиняемаго, а то, вѣдь, такъ можно извести человека, что и оправданіемъ не искупить причиненной ему обиды и несправедливости.

Правила, опредѣляющія порядокъ производства суда получили названіе судопроизводственныхъ законовъ. Дошли эти правила и до нашего народа.

Черезъ три года послѣ освобожденія въ Россіи крестьянъ, какъ уже упоминалось, былъ созданъ новый судъ, были введены Судебные Уставы.

Но въ тяжелые для свободы народа годы царствованія Александра III и Николая II эти законы стали плохо исполняться и замѣняться понемногу новыми, худшими правилами.

Послѣ сверженія самодержавія тѣ люди, которые больше всего заботились о созданіи праваго суда, имѣли всѣ основанія надѣяться на установленіе справедливаго суда, достойнаго свободнаго народа.

Временное Правительство поручило собранію ученыхъ людей пересмотрѣть судопроизводственные законы, чтобы возстановить все хрощее старое и добавить новыми правилами, необходимость которыхъ указывалась самой жизнью.

Не успѣли эти люди закончить свою работу, какъ случился большевистскій переворотъ. Принялись большевики свой судъ строить.

И отъ большого ума рѣшили, что не къ чему голову ломать надъ выработкой судопроизводственныхъ законовъ. Опытъ и знаніе всѣхъ лучшихъ образованныхъ людей, работавшихъ во Франціи и въ Германіи, и въ Англии и, наконецъ, въ Россіи надъ созданіемъ наиболѣе совершенныхъ судопроизводственныхъ законовъ, были отвергнуты. Постановили, что надо все поручить революціонному трибуналу, не связывая его никакими законами, и дѣлу конецъ.

А что отъ этого получилось — мы всѣ знаемъ.

Стали трибуналы судить, какъ въ голову взбрѣдетъ. Пожелаетъ трибуналь — допросить свидѣтелей, а не пожелаетъ — откажетъ въ допросѣ, и некуда жаловаться. Одинъ трибуналь дастъ срокъ для представ-

ленія доказательствъ, а другой и въ этомъ откажетъ. Все дѣло произвола.

IV.

Надругавшись надъ правами гражданина и обратя свои суды въ настоящія расправы, большевики додумались до того, что лишили обвиняемаго права выбрать себѣ защитника.

Всѣ знаютъ, какъ раньше было поставлено это дѣло. При каждомъ судѣ были адвокаты, присяжные повѣренные, которые по уговору съ обвиняемымъ принимали на себя защиту, при чемъ для лицъ немущихъ, которые не могли оплатить трудъ защитника, назначались защитники бесплатно.

Обвиняемый былъ свободенъ въ выборѣ защитника.

Защитниками въ судахъ выступали люди, получившіе высшее образованіе и подготовку, посвятившіе себя трудному и важному дѣлу защиты.

Законъ считалъ, что чѣмъ серьезнѣе обвиненіе, чѣмъ большее наказаніе угрожаетъ подсудимому, тѣмъ важнѣе, чтобы обвиняемый имѣлъ защитника по своему выбору, знающаго свое дѣло, а главное, такого, которому можно было бы довѣриться.

Вотъ почему кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ подсудимый могъ избрать защитникомъ кого-либо изъ своихъ родственниковъ и даже постороннихъ людей, не принадлежащаго къ числу настоящихъ адвокатовъ.

Такой защитникъ, не настоящій адвокатъ, не имѣющій навыка въ судебныхъ дѣлахъ, могъ хуже знать законы, могъ хуже понять въ дѣлѣ, но законъ считалъ, что въ такихъ вопросахъ, какъ защита въ уголовномъ судѣ, самое важное—свобода выбора, самое главное—довѣріе къ защитнику.

Если обвиняемый не верить своему защитнику, если боится по душѣ съ нимъ поговорить — то какой же это защитникъ?

Какъ же большевистская власть устроила защиту?

Большевики сначала издали декретъ, чтобы больше совсемъ не было присяжныхъ повѣренныхъ.

Для того, чтобы выступить въ большевистскомъ судѣ защитникомъ, не нужно было никакого образования, никакой подготовки.

Но такой законъ не могъ еще причинять большой бѣды, потому что тѣ люди, которые раньше назывались присяжными повѣренными, могли пойти въ большевистскій судъ и по приглашенію съ подсудимыми вести ихъ защиту.

Такъ и случилось: на ряду съ охотниками изъ публики, которые выступали въ большевистскихъ судахъ въ качествѣ защитниковъ, стали выступать настоящие адвокаты, прежніе присяжные повѣренные, которые, какъ люди болѣе привычныя къ суду, лучше вели дѣло, лучше отстаивали обвиняемыхъ.

При этомъ многие изъ прежнихъ адвокатовъ въ своихъ рѣчахъ стали указывать на недостатки новыхъ судовъ, требовали, чтобы непременно депрашивались нужные свидѣтели, приносили жалобы — словомъ, всячески боролись противъ произвола новаго большевистскаго суда.

Стали большевики замѣчать, что эти защитники умѣютъ пользоваться словомъ, умѣютъ передъ публичной показатъ, наскрѣяко плохъ новый судъ, который судить безъ всякихъ законовъ, который не знаетъ правилъ, выработанныхъ наукой, путается въ самомъ простомъ дѣлѣ и выноситъ нелѣпые приговоры.

Тогда большевики издали новый декретъ: они

установили, что защитникомъ въ трибуналъ можетъ выступить только тотъ, кого выберетъ мѣстный совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Разсчитъ былъ такой: совѣтъ, подь давленіемъ коммунистовъ выберетъ такихъ людей, которые во всемъ будутъ потакать трибуналу и не станутъ говорить неугодныхъ большевистской власти рѣчей.

Такихъ защитниковъ, которые должны были получить одобрение совѣтовъ, большевики назвали правозаступниками.

А чтобы отбить у тѣхъ людей, которые не пожелали сдѣлаться правозаступниками, охоту тратить время на защиту въ трибуналахъ, большевики постановили, что только правозаступники могутъ получать плату за свой трудъ, а другія лица, хотя и могутъ быть защитниками, но должны это дѣлать бесплатно.

Но и эта хитрость не помогла: въ большихъ городахъ настоящіе адвокаты рѣшили, что нельзя подсудимыхъ оставлять на произволь судьбы, отдавать на расправу трибуналамъ, и стали устраивать дежурство въ трибуналахъ, выступая защитниками бесплатно.

Большевикамъ это надоѣло, и они издали еще новый декретъ, совсѣмъ запрещающій выступать въ судахъ тѣмъ, кто не получилъ званія правозаступника.

Подсудимые потеряли право выбирать себѣ защитника не только изъ числа бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, но даже изъ числа своихъ родственниковъ и близкихъ людей.

Если у обвиняемаго есть знакомый адвокатъ, который готовъ безъ всякаго вознагражденія выступить его защитникомъ, помочь ему въ бѣдѣ, онъ не имѣетъ права къ нему обратиться.

Болѣе того, если у обвиняемаго есть братъ, дядя, отецъ, котораго онъ хотѣлъ-бы видѣть въ трибуналѣ въ качествѣ свѣго защитника, и это запрещено.

Защитника въ большевистскомъ судѣ не выбираютъ. Защитника назначаетъ самъ трибуналъ изъ числа правозаступниковъ.

Раньше уже было сказано, что въ правозаступники могли пройти только лица, получившія разрѣшеніе совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, въ которыхъ повсемѣстно, благодаря насиліямъ и обману, главенствовали большевики.

Первое время эти совѣты все же пропускали въ правозаступники многихъ прежнихъ адвокатовъ, но потомъ стали пропускать такихъ людей все меньше и меньше, а ранѣе пропущенныхъ старались удалять.

Такимъ способомъ понемногу большевики избавились отъ прежнихъ свободныхъ адвокатовъ, которые умѣли отстаивать интересъ своихъ подзащитныхъ, и замѣнили ихъ совѣтскими чиновниками, которые получаютъ отъ совѣта жалованье и вполнѣ зависятъ отъ исполнительныхъ комитетовъ, или „исполкомовъ“.

Свобода выбора защитника, которая считалась неотъемлемымъ правомъ всякаго обвиняемаго, которую не нарушило царское правительство, была большевиками погублена.

Свободный выборъ замѣненъ назначеніемъ: подсудимому навязываютъ въ защитники людей, къ которымъ онъ имѣетъ всѣ основанія относиться недовѣрчиво.

V.

Задувивъ свободную защиту, большевики обратили трибуналъ въ расправу.

Чѣмъ же они оправдали такое неслыханное посягательство на свободу гражданина?

Большевики заявили, что лучшимъ защитникомъ обвиняемаго является самъ трибуналь, что трибуналь незачѣмъ связывать законами, что трибуналу можно предоставить полную свободу дѣйствій, потому что трибуналь составляется изъ истинныхъ свободныхъ представителей народа.

Посмотримъ, такъ ли это, правда ли это?

Хорошіе уголовные законы, какъ мы уже говорили, имѣютъ очень важное значеніе, законы судопроизводственные, опредѣляющіе порядокъ разслѣдованія преступленій, права и обязанности суда, также необходимы, но какъ бы ни были хороши эти законы, для установленія справедливаго суда надо прежде всего правильно рѣшить, кому ввѣряется судебная власть, кому будетъ поручено право и обязанность творить дѣло суда.

Раньше уже нѣсколько разъ упоминалось о новыхъ судахъ, которые были введены въ Россіи вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, о Судебныхъ Уставахъ.

Самая главная заслуга Судебныхъ Уставовъ состояла въ томъ, что они рѣшили отнять судебную власть отъ царскихъ ставниковъ и чиновниковъ и передать ее представителямъ самого народа.

Дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ были раздѣлены на менѣе важныя и болѣе серьезныя.

Разборъ менѣе важныхъ дѣлъ было поручено мировымъ судьямъ, которые выбирались самимъ населеніемъ срокомъ на три года, а дѣла серьезныя, важныя о такихъ преступленіяхъ, за которыя обвиняемый могъ быть лишенъ правъ, были переданы окружнымъ

судамъ, съ участіемъ присяжныхъ застѣдателей.

Но въ царствованіи Александра III и Николая II и эти законы, которыхъ столько лѣтъ ждалъ русскій народъ, подверглись измѣненіямъ и искаженіямъ.

Мировые судьи, выбираемые всѣмъ населеніемъ, остались только въ столицахъ и нѣкоторыхъ очень большихъ городахъ, а во всей остальной Россіи они были замѣнены земскими начальниками.

Земскіе начальники не выбирались самимъ населеніемъ, а назначались правительствомъ, и при томъ изъ представителей одного класса, одного сословія — помѣстного дворянства.

Отъ земскаго начальника высшаго образованія не требовалось, лишь бы быть дворяниномъ.

Для производства судебныхъ дѣлъ земскимъ начальникамъ были даны не тѣ правила, которыми должны были руководствоваться мировые судьи, а другія — попроще, да похуже, которые меньше бы связывали и стѣсняли земскаго, когда онъ творилъ судъ и расправу.

И русскій народъ на опытѣ узналъ, что значить жить подъ властью классоваго суда, какая великая бѣда, когда дѣло суда вѣрнется людямъ недостойнымъ, плохо образованнымъ, грубымъ, которые заботятся не о правдѣ и справедливости, а только объ интересахъ своего сословія.

Сколько потѣшились земскіе начальники надъ русскимъ крестьяниномъ, сколько зла, несправедливости и горя причинили они народу! Дѣло дошло до того, что послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ хозяйничанья земскихъ начальниковъ и царское правительство опаматовалось и, подъ давленіемъ Государственной Думы, рѣшило упразднить земскихъ начальниковъ, и опять вернуться къ выборнымъ мировымъ судьямъ.

А послѣ февральской революціи областскихъ начальникахъ, конечно, не было и впомяну. Временное Правительство въ первую голову занялось тѣмъ, чтобы очистить Судебные Уставы отъ тѣхъ наростовъ, которыми они обросли за послѣдніе 30—40 лѣтъ, чтобы улучшить ихъ и вернуть народу судебную власть.

Судебная власть народа всего яснѣе проявляется въ окружныхъ судахъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей.

Что такое присяжные заседатели — знаетъ каждый русскій крестьянинъ.

Почти каждому крестьянину приходилось участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжнаго заседателя, и всѣ знаютъ, что именно присяжные заседатели въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ о грабежахъ, разбояхъ, поджогахъ, убійствахъ и т. п. рѣшали самый важный вопросъ о винѣ и невинности обвиняемыхъ.

Право быть присяжнымъ заседателемъ — это есть самый лучший видъ участія народа въ осуществленіи суда по самымъ важнымъ дѣламъ.

Отъ присяжнаго заседателя, это знаетъ каждый грамотный крестьянинъ, не требуется никакой особой подготовки, никакого знанія законовъ. Предсѣдатель суда излагаетъ и объясняетъ относящіяся къ дѣлу законы, а отъ присяжныхъ заседателей требуется только, чтобы они судили по совѣсти.

И слово присяжныхъ, ихъ отвѣтъ, рѣшаетъ судьбу обвиняемаго.

Образованные народы до сихъ поръ не создали лучшаго порядка суда, чѣмъ судѣ съ присяжными заседателями.

Только въ этомъ судѣ народъ самъ творитъ дѣло правосудія, такъ какъ присяжные заседатели берутся

изо всѣхъ слоевъ населенія, безъ различія какихъ-либо сословій, изъ самой гущи жизни, и этимъ представителямъ народа только на основаніи своего житейскаго опыта и чистой совѣсти принадлежитъ право окончательно рѣшить судьбу обвиняемаго.

Скажутъ присяжные „да, виновенъ“, и человекъ пойдетъ въ тюрьму, въ ссылку, на каторгу, а произнесутъ „нѣтъ, не виновенъ“, и человекъ свободенъ.

Присяжные засѣдатели не должны объяснять, почему они рѣшили дѣло такъ или иначе, и не передъ кѣмъ не отвѣчаютъ за свой приговоръ: даже самъ предсѣдатель суда не знаетъ, кто изъ присяжныхъ какой голосъ подалъ. Рѣшеніе присяжныхъ обставлено полной тайной, и предсѣдатель не имѣетъ права ни на одну минуту зайти въ совѣщательную комнату присяжныхъ засѣдателей.

Словомъ, лучшаго порядка, обезпечивающаго участіе народа въ дѣлѣ суда, еще не придумано, и право участвовать въ судѣ присяжныхъ завоевано образованными народами не такъ давно, во Франціи послѣ великой революціи, въ Германіи, Австріи и Италіи всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Россія получила это право въ 1864 году, когда были введены Судебные Уставы.

Но допустивъ это право, царское правительство стало его понемногу сокращать и отнимать.

Какъ это дѣлалось? А такъ, что перестали передавать на рѣшеніе присяжныхъ многія, очень важныя и серьезныя дѣла.

Сначала изъняли изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, т. е. о подлогахъ, вымогательствахъ, взяточествѣ, растратахъ и тому подобныхъ предупрежденіяхъ, совершенныхъ дол-

жностными лицами, чиновниками разных вѣдомствъ.

Для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ были созданы особые суды, судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Эта палата состояла изъ семи судей, причемъ четыре—судебныхъ чиновника, а три представителя сословій, дворянскаго, городского и крестьянства.

При такомъ порядкѣ у судебныхъ чиновниковъ всегда было большинство голосовъ (четыре голоса противъ трехъ), но не въ этомъ былъ главный недостатокъ этихъ судовъ, а въ томъ, что въ нихъ входили не представители всего населенія, а выборные отъ отдѣльныхъ сословій, а такъ какъ судебные чиновники, особенно вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства всегда были въ большинствѣ, то они какъ хотѣли, такъ и рѣшали дѣла, прислушиваясь и дѣйствуя по указаніямъ правительства.

Такой порядокъ понравился царскому правительству: тутъ впередъ извѣстно, что будутъ судить свои служилые люди, которые боятся не угодить высшему начальству, это не то, что присяжные, которыхъ выбираютъ по жребію, такъ что неизвѣстно кто и попадетъ въ судьи, а тѣ, которые попали въ судьи, ни отъ какого начальства не зависятъ, никому кромѣ своей совѣсти не должны давать отчета. Присяжнымъ засѣдателямъ нельзя приказать, имъ бояться начальства нечего, угождать начальству не приходится.

Поэтому правительство и стало отстранять ихъ отъ разсмотрѣнія многихъ важныхъ дѣлъ.

Выше, уже было упомянуто, что изъ вѣдѣнія присяжныхъ изъяли дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ должностными лицами; потомъ лишили ихъ права разбирать дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ противъ

должностныхъ лицъ, дѣла о рабочихъ и крестьянскихъ беспорядкахъ и возстаніяхъ противъ чиновниковъ, о возбужденіи противъ власти, путемъ устныхъ рѣчей и путемъ распространенія возваній и газетъ.

Но все же совсѣмъ уничтожить суды присяжныхъ царское правительство не рѣшалось, и присяжные засѣдатели по прежнему разсматривали цѣлый рядъ важныхъ дѣлъ — о грабежахъ, разбояхъ, подлогахъ, убійствахъ и т. д.

Когда случилась революція, и власть перешла къ Временному Правительству, оно немедленно приступило къ восстановленію силы Судебныхъ Уставовъ, уничтожило палаты съ сословными представителями, и рѣшило всѣ важныя дѣла, гдѣ обвиняемому грозитъ лишеніе какихъ-либо правъ, передать суду присяжныхъ, причемъ были приняты мѣры, чтобы присяжные вербовались изъ самыхъ широкихъ слоевъ населенія, чтобы каждый честный гражданинъ имѣлъ бы право принимать участіе въ судѣ, чтобы судъ, дѣйствительно, сталъ народнымъ.

Но не успѣло Временное Правительство закончить своихъ работъ по обновленіи суда, какъ случился новый переворотъ, и власть захватили большевики.

Присвоивъ себѣ имя рабоче-крестьянскаго правительства, они разрушили до основанія старый судъ, и такъ размахнулись, что уничтожили и судъ присяжныхъ засѣдателей — величайшее достояніе народа.

Присяжныхъ засѣдателей замѣнилъ революціонный трибуналъ.

Сначала этотъ трибуналъ такъ составлялся: одинъ председатель, непременно коммунистъ по назначенію „исполкома“ и шесть засѣдателей изъ рабочихъ, тоже по выбору „исполкома“.

Засѣдатели мѣнялись и первое время вербовались изъ рабочихъ, хотя дѣйствовали подъ давленіемъ большевистскихъ комиссаровъ.

Но опытъ скоро показалъ, что рабочіе, даже выбранные большевистскимъ „исполкомомъ“, не всегда готовы были дѣйствовать по указкѣ предсѣдателя-коммуниста.

Тогда большевики, видя такое непослушаніе со стороны рабочихъ, рѣшили перестроить свой судъ.

И издали новый декретъ, по которому были уничтожены засѣдатели изъ рабочихъ, а число членовъ трибунала сокращено съ семи до пяти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до трехъ, причемъ всѣ члены трибунала не выбираются, а прямо назначаются и должны быть коммунистами.

Такъ вотъ какой получился „народный судъ“.

Три коммуниста, по назначенію высшихъ большевистскихъ комиссаровъ безъ всякаго участія представителей всего народа, болѣе того—безъ участія выборныхъ отъ рабочихъ, именемъ которыхъ правятъ большевики, получили право рѣшать всѣ важнѣйшія дѣла.

Имъ дана страшная власть: не стѣсненные никакими уголовными законами, не связанные никакими судопроизводственными правилами, которыя бы обезпечивали личность обвиняемаго, эти страшные партійные трибуналы, составленные изъ наиболѣе крокожадныхъ и озлобленныхъ коммунистовъ, получили право посылать въ тюрьму, на каторгу, приговаривать къ разстрѣлу любого изъ гражданъ, не отдавая никому отчета, не зная ни жалости, ни милости.

Одинъ изъ видныхъ большевистскихъ комиссаровъ, комиссаръ юстиціи на Украинѣ, Хмѣльницкій

сказалъ въ своей публичной лекціи: мы въ трибуна-
лахъ дѣлаемъ то, что для насъ выгодно; если трибу-
наль вынесетъ обвинительный приговоръ невинному
человѣку, мы этого приговора не отмѣнимъ, если
будемъ считать его выгоднымъ для нашего дѣла.

Такъ на развалинахъ прежняго суда большевики
создали не судъ, а застѣнокъ, ввѣривъ судьбу русскаго
гражданина кучкѣ палачей, творящихъ свой страшный
кровавый „красный“ судъ и расправу.

И каждый честный человѣкъ, у кого уцѣлѣлъ
еще разумъ, у кого не заглохла совѣсть, долженъ
воскликнуть:

Долой красный судъ! Долой проклятые кровавые
трибуналы! Да здравствуетъ судъ правый, милостивый
и равный для всѣхъ! Да здравствуютъ Судебные
Уставы!

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ.

„НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА“

№№	СЕРІЯ I.	Цѣна.
1.	Первое письмо раненаго большевика (о неравноправности людей)	— р. 50 к.
2.	Обуховъ, А. М.—Советскій рай	1 „ 50 „
3.	Арефинъ, С.—Въ буеракѣ	— „ 50 „
4.	Второе письмо раненаго большевика (о томъ, какъ и зачѣмъ появились большевики въ Россіи)	— „ 75 „
5.	Арефинъ, С.—На родинѣ. Въ недавніе дни	— „ 75 „
6.	Краевъ, Л.—Большевицкіе пауки и крестьянскія мухи	— „ 50 „
7.	Иванъ Прямой.—Хитрая механика	1 „ 25 „
8.	Разсказъ плѣннаго красноармейца	— „ 25 „
9.	Романъ Макошинъ—Что сдѣлала Добровольческая Армія	— „ 50 „
10.	Третье письмо раненаго большевика (о томъ какъ и отчего погибла Таманская армія)	1 „ — „
11.	Арефинъ, С.—Данілка „Копчики“	— „ 85 „
12.	Аврамовъ, П.—Васюта Родимова	— „ 50 „
13.	Четвертое письмо раненаго большевика (о землѣ и коммунахъ)	1 „ 25 „
14.	Гришинъ, Ал.—„Буржуйка“	— „ 50 „

„НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА“

СЕРІЯ II

1.	Проф. Верховской, П. В.—Патріархъ Тихонъ	— р. 25 к.
2.	Кто такой Деникинъ?	1 „ — „
3.	Морской Н.—Кто такой Колчакъ?	— „ 50 „
4.	Калининъ, Я.—Генераль Сергій Леонидовичъ Марковъ	— „ 50 „
5.	Аврамовъ, П.—Генераль А. Г. Шкуро	— „ 50 „

„БИБЛИОТЕКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ“.

1.	Ростовъ, В.—Почему и какъ создалась Добровольческая Армія, и за что она борется	— р. 75 к.
----	---	------------

„БИБЛИОТЕКА ДОБРОВОЛЬЦА“.

1.	Кн. Грубецкой, В.—Великая Революція и кризисъ патриотизма	3 р. — к.
2.	Св. В. Свенцицкій—Россія, встань!	1 „ 50 „

„НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА“ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРИЗЫВЪ“.

1.	Ксюнинъ, Ал.—Обманутый народъ	— р. 50 к.
2.	Его же—Большевики и Россія	— „ 50 „
3.	Лантевъ, Ив.—Темная Русь	— „ 50 „
4.	Его же—Вороны въ павлиньихъ перьяхъ	— „ — „
5.	Его же—Лежачаго не бьютъ	— „ 50 „
6.	Везродновъ, Ал.—Спасайте Россію	— „ — „

№ №

„ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА“

Цена.

1. Памятка начальнику 1 р. — к.

„БИБЛИОТЕКА РАБОЧАГО“

СЕРИЯ I. Е. Н. Чирикова — Бесѣды съ рабочимъ, человекомъ.

1. О буржуяхъ и врагахъ народа — р. — к.
2. О природѣ человека — „ — „

„КНИЖКИ ХЛѢБОРОВА“

1. Ножищновъ, В. — Чаро надю хлѣборобу? 1 р. — к.

- Иловайскій, Вл. — Годъ пути 3 р. — к.
П. иъ — Генераль Корниловъ — „ 25 „
Сургучевъ, И. — Большевики въ Ставрополѣ 3 „ — „
Сихоровъ, Д. А. — Организованные разстрѣлы общественныхъ деятелей — „ 50 „
Вѣискій, Е. — Къ людямъ вольныхъ горъ — „ 30 „
Жестокіе уроки — „ 30 „
Съ Военковаго Круга — „ 75 „
За что мы боремся (Декларация Добровольческой Арміи и Письма Генерала Деникина) — „ 25 „
Акты о Пятигорскихъ зверствахъ 3 „ 25 „
Свидѣнія о злодѣяніяхъ большевиковъ въ отношеніи церкви и ея служителей 1 „ 50 „
Князь Трубецкой, Е. — Звѣриное царство и грядущее возрожденіе Россіи 2 „ — „
Агеловъ, Е. — Колчакъ и Ленинъ — „ 25 „
Законы Советской республики 1 „ 50 „
Сказаніе о Соудѣи и правдѣ Божьей — „ 25 „
Воробьевъ, Н. — О неосновательности притязаній грузинъ на Сухумскій округъ (Абхазію) 1 „ — „
Златогоровъ, К. — Дороговизна (причины и мѣры для ея устранения) — „ 75 „
Ларинъ, Вл. — Какъ уберечься отъ холеры — „ 50 „
Кирилинъ, Ф. — Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи, генераль М. Е. Алексѣевъ 1 „ 50 „
Шишовъ, П. И. — Почему надо беречь железнодорожный транспортъ — „ 50 „
Проф. Гримми, Э. Д. — Какъ большевики захватили власть на Руси 1 „ 25 „
Краевъ, Леонидъ — Рабочій коммунистъ — „ 50 „
Профессоръ Малиновскій. — Учредительное Собраніе — „ 50 „
Холмскій, I. — Церковь и школа 1 „ — „
Будилевичъ, Б. А. — Чѣмъ былъ Корниловъ для Россіи — „ 50 „
Св. Успенскій, Н. А. — О поруганіи святыхъ мощей 1 „ — „
Можно ли обойтись безъ вѣры въ Бога — „ 50 „
Билимовичъ, Александръ — Революція, большевики и хозяйство въ Россіи 2 „ — „
В. И. Ч. — Адмираль Колчакъ — „ 50 „